

© 2003 г.

Ц.Б. БУДАЕВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ БУРЯТ

БУДАЕВА Цыцык Батовна - кандидат социологических наук, начальник отдела социально-политических исследований экспертно-аналитического центра Администрации Президента Республики Бурятия.

Антропогенное давление, природопользовательская деятельность в Байкальском регионе достаточно часто начинают приводить к необратимым последствиям. Так, серьезную проблему представляет активизация процесса водной и ветровой эрозии почв (в ряде районов Республики Бурятия удельный вес эрозированных и других земель со сниженной пригодностью в общей площади сельхозугодий превышает 60%) [1]. Полностью игнорируется традиция равномерного использования всех природных ниш. Происходит уплотнение почвы и вытаптывание растительности вокруг населенных пунктов. Данный процесс сопровождается сбросом отдаленных пастбищ. Неуклонно растет количество растений, относящихся к разряду редких и исчезающих [2]. Названные и другие проблемы имеют следствием то, что Байкальский регион сегодня относится к числу территорий, характеризующихся высокой экологической опасностью [3].

В данных условиях активизируется поиск механизмов, обеспечивающих сбалансированное развитие природы и общества в регионе. К числу подобных важных социокультурных механизмов, безусловно, относятся экологические традиции бурят. Однако в течение длительного времени они направлялись "в пересыхающее русло" и оценивались только как "отсталые" и "архаичные". Естественно, сегодня сузился круг их носителей. Последние, как показало наше исследование, существенно дифференцируются между собой по уровню осведомленности о данных традициях. Отметим, что во многих случаях различия в суждениях и оценках представителей различных социально-демографических, профессионально-образовательных и территориальных групп не являются статистически значимыми, а выражают лишь определенные тенденции. В этой связи, говоря о большей распространенности того или иного суждения в определенной группе опрошенных, мы будем иметь в виду не многократный перевес над другими мнениями, а лишь относительно большую частоту подобных высказываний.

Исследование (анкетный опрос), касающееся рассматриваемых традиций, проведено в 1998 г. Приняты в обработку 212 анкет. При проектировании выборки использована трехступенчатая схема выбора объектов по национально-территориальному принципу. На первой ступени отобраны районы, населенные представителями различных родоплеменных групп бурят (цонголами, сартолами, хоринцами, хонгодорами). На второй отбирались сельские поселения с компактным проживанием бурят - бурятские села (всего их 13). На третьей осуществлена квотная выборка респондентов в соответствии с полом, возрастом (18-25 лет, 26-30, 31—40, 41-50, 51-60, 61 и старше) и уровнем образования (высшее и незаконченное высшее, среднее специальное, общее среднее, незаконченное среднее).

Опрос показал, что экологические традиции этноса лучше знают представители групп населения, чьи родители воспитывались в условиях традиционного хозяйства, т.е. до коллективизации, индустриализации и культурной революции. Для них знание и "соблюдение" данных традиций обеспечивало "вписанность" в природное окружение и, соответственно, выживание в условиях экстремального климата Байкальского региона. Родители привили детям навыки, которые

оказались устойчивыми даже в условиях слабой их востребованности. Однако снижение значимости рассматриваемых традиций привело к тому, что в нашем анализе при переходе от старших возрастных групп к младшим неуклонно снижается уровень осведомленности об экологических традициях. Иными словами, молодежь слабо осведомлена о них, 30-50-летние располагают отрывочными знаниями, 50-60-летние имеют более полное представление, а старшая возрастная группа является их основным носителем. Данный процесс можно оценить как "естественный", т.к. после коллективизации, индустриализации и культурной революции детям в незначительной степени прививали навыки взаимодействия с природой. Предъявлялись иные требования, соответствующие новой стратегии общества и изменившимся условиям. При этом молодежь занимает достаточно активную позицию в отношении ликвидации "экологического пробела". В первую очередь те, чья социализация пришлось на перестроечные годы. Многими из них экологические традиции рассматриваются как дело, заслуживающее внимания и обеспечивающее самовыживание.

Следующим фактором, способствующим дифференциации субъектов-носителей экологических традиций по уровню осведомленности о них, является сфера занятости респондентов. Так, аграрное население и люди, занятые сельскохозяйственным трудом, естественно, знают их лучше других. Среди людей, занятых сельскохозяйственным трудом, особенно промысловой деятельностью, доля осведомленных о различных аспектах экологических традиций значительно выше доли имеющих смутные представления о них, и это свидетельство адаптивности данных групп населения к окружающей среде и способности к выживанию в экстремальных условиях, включающей разумное использование даров природы.

Наименее информированы об экологических традициях работники непродуцированной сферы, ибо они в своей трудовой деятельности не соприкасаются с природой. К тому же при их социализации практически отсутствовала совместная с родителями экодеятельность, а в учебных программах детских дошкольных учреждений, школ, соответствующих техникумов и вузов не нашлось места для разделов, касающихся данных традиций. С другой стороны, такие процессы в стране, как расширение числа сторонников устойчивого пути развития, возрождение национальной самобытности в сочетании с обострением экологического кризиса, требуют от работников непродуцированной сферы (учителей, медицинского персонала, деятелей культуры и т.д.), переориентации на признание значимости экологических традиций. Поэтому данная часть населения активно начинает искать истоки традиций и пути их возрождения. Такова ситуация, обуславливающая своеобразие переходного периода. Возрождение интереса к экологическим традициям подкрепляется увеличением веса национально-регионального компонента в учебных программах, организацией летнего отдыха детей, сочетающего организованный досуг с практикой применения различных аспектов данных традиций.

Люди, занятые индустриальным трудом (в основном - от 30 до 50 лет), слабо осведомлены о рассматриваемых традициях и достаточно индифферентны к ним, что объясняется статичностью их сознания и формированием установок данной части населения в годы доминирования индустриальной цивилизации. Их смещения в сторону большей универсальности за годы пропаганды стратегии устойчивого развития не произошло. За индифферентностью стоят также, с одной стороны, реальные успехи социально-экономического развития региона, достигнутые за годы Советской власти, а с другой, - трудности переживаемого момента и, в первую очередь, обострение социальных проблем.

В следующую группу вошли, казалось бы, разнородные лица: домохозяйки, безработные, инвалиды и т.д. Но социальные проблемы глубоко затронули, в первую очередь, эти группы населения, и сегодня их волнуют лишь проблемы ежедневного выживания. Представители этой группы не в полной мере осведомлены о рассматриваемых традициях. При этом к процессу их возрождения относятся неоднозначно. Среди них немало тех, кто его поддерживает и вносит реальные предложения по его активизации. Но значительной части присуща статичность - придерживаются действовавших в стране в предшествующие десятилетия прагматических установок, ориентирующих лишь на присвоение даров природы.

¹ В данной связи отметим, что за годы проведения реформ произошло снижение уровня жизни значительной части населения республики. Но обострение социальных проблем вызывает различные реакции у людей. У многих наблюдается отторжение от всего индустриального, поэтому они воспринимают экологические традиции на должном уровне.

Таким образом, по отношению к различным аспектам экологических традиций монголоязычные народы Байкальского региона подразделяются на четыре группы: знатоки и сторонники данных традиций (работники аграрного сектора, особенно промысловики, и люди старших возрастных групп); люди, имеющие достаточно смутное представление об экологических традициях, но занимающие активную позицию по их возрождению (к ним в основном относятся работники непродовольственной сферы и молодежь); люди, имеющие достаточно смутное представление о данных традициях и занимающие позицию стороннего наблюдателя (лица, занятые индустриальным трудом и представители средней возрастной группы, 30-50-летние); люди, имеющие определенное представление об экологических традициях, но неоднозначно относящиеся к процессу их возрождения (безработные, домохозяйки, инвалиды).

Подобная дифференциация субъектов рассматриваемых традиций в общем согласуется с распределением ответов на оценочный вопрос о том, какая доля взрослого населения осведомлена об экологических традициях аборигенных народов Байкальского региона. Примечательно то, что примерно 3/5 респондентов достаточно низко оценивают уровень осведомленности своих односельчан о традиционных навыках взаимодействия с природной средой. Каждый четвертый опрошенный полагает, что они знают около 20-40% данных традиций. Около 6% уверены в том, что односельчане осведомлены лишь о половине арсенала экологических традиций. Понятно, что подобная дифференциация оценок вызвана недооценкой значимости экологических традиций в течение нескольких поколений.

Вместе с тем, если говорить о поведенческо-деятельностном аспекте рассматриваемого вопроса, следует отметить тенденцию ослабления выраженного прагматизма людей по отношению к природной среде. Население все чаще интересуется экологическими традициями и внедряет их отдельные элементы в повседневную практику, обучает детей традиционным навыкам взаимодействия с природой; возрождаются отдельные простые запреты на неразумное природопользование и т.д. Наиболее активными сторонниками местных инициатив являются не руководители различных уровней, а рядовые жители, работающие "с душой" во благо возрождения экологических традиций. Это - учителя-энтузиасты; деятели национально-культурных центров, переживающие за сохранение самобытности; члены социально-экологических движений, готовые поддержать любое начинание, направленное на ослабление антропогенной нагрузки на природу.

Опрос показал, что местные руководители по степени включенности в процесс возрождения рассматриваемых традиций не имеют принципиальных различий, поскольку в основном выполняют то, что "положено", т.е. преимущественно являются исполнителями распоряжений одних и тех же вышестоящих организаций, идентифицируют себя с получаемыми распоряжениями. Проявление собственной инициативы или критического отношения к распоряжениям неизбежно привело бы к некоторой нежелательной для них раздвоенности и "лишним" хлопотам. Данная практика процветала во время доминирования командно-административной системы и в рассматриваемом нами регионе не претерпела существенных изменений в эпоху трансформации российского общества, ибо местные инициативы и требования "снизу" достаточно слабы.

О незначительности местных инициатив свидетельствуют ответы на вопрос: "Есть ли в Вашем поселении реальные сдвиги, направленные на возрождение социально-экологических традиций?". Около половины опрошенных ответили, что не задумывались над этим вопросом и не наблюдали фактов, способствующих возрождению данных традиций. Одна треть респондентов категорично заявляет, что "нет никаких перемен, направленных на активизацию возрождения этих традиций". Подобную оценку связывают с рядом факторов: отсутствием инициативных людей и высокой инертностью местного населения; значительностью утраты экологических традиций и отсутствием платформы для их возрождения; бедностью основной массы населения и доминированием лишь меркантильного интереса; практическим отсутствием государственной поддержки и, соответственно, неразработанностью механизмов, призванных стимулировать возрождение экологических традиций.

Нужно сказать, что часть респондентов придерживается точки зрения, в целом сводящейся к тому, что в "наши дни не наблюдаются тенденции возрождения социально-экологических традиций". Среди пессимистов преобладают лица старших возрастных групп, относительно меньше представлена возрастная группа 30-40 лет и молодежь. По мнению пессимистов, возрождению экологических традиций препятствуют: "отсутствие материальных объектов экодеятельности; утеря навыков и нарушение преемственности поколений; отсутствие заинтересованности у местных руководителей; безразличие людей, пристрастившихся к алкоголизму, к собственной судьбе

и т.д.". Подобные мнения высказывали представители всех социально-демографических групп опрошенных.

Примерно 20% респондентов настроены оптимистично и уверены в том, что процесс возрождения рассматриваемых традиций является не только неизбежным, но активизируется в наши дни. Неизбежность зачастую объясняется необходимостью самообеспечения, основанного на малых формах хозяйствования. Жизнеспособность последних в значительной мере зависит от адаптированности людей к природной среде, а ведущим механизмом подобной адаптации, как известно, является умение практически применять элементы экологических традиций.

Наиболее оптимистичны инициативные люди, умеющие приспособиться к происходящим переменам. Например, фермеры, ведущие самостоятельное хозяйство. К данной категории относятся также лица, результат труда которых напрямую зависит от уровня осведомленности о рассматриваемых традициях. В первую очередь, промысловики. Их оптимистичность обусловлена, в первую очередь, тем, что они чаще других соприкасаются с природой и знают, что умелое приспособление к ней обеспечивает благосостояние. При этом по мере разворачивания реформ и появления свободы выбора они все более приобретают статус реальных хозяев своего труда.

Дифференциация мнений о роли экологических традиций в преодолении сегодняшних трудностей дает немало материала для выявления позиций людей, связанных с определением стратегии развития общества. По данному вопросу респонденты разделились на три группы. Первые - приверженцы экологических традиций, предлагающие их ширококомасштабное возрождение и преодоление кризиса путем "установления" традиционного образа жизни, в первую очередь, nomадного животноводства, а также за счет отхода от вещизма, потребительской психологии. Их доля невелика, менее 10% (доминирование представителей какой-либо социальной группы не наблюдается). По всей вероятности, подобное мнение присуще людям, принимающим популярные на данный момент времени варианты развития общества.

Вторая группа является наиболее многочисленной и также разнородной. Ее представители предлагают разумное возрождение экологических традиций, но не намерены видоизменять индустриальный путь развития региона. По их мнению, чрезмерно активное возрождение рассматриваемых традиций может привести к разложению символов индустриальной цивилизации и, соответственно, к еще большему хаосу общественной жизни.

И, наконец, "сторонние наблюдатели". Они зачастую воспринимают экологические традиции как некую чужую экзотику, не имеющую значимости в определении стратегии развития общества. Тем не менее, к ярким противникам рассматриваемых традиций себя не относят.

Выводы

Осведомленность бурят об экологических традициях этноса увеличивается с возрастом и в прямой связи с объемом контакта с природной средой. Оптимистично настроены в отношении возрождения утраченных традиций подобного рода представители наиболее адаптировавшихся в новой ситуации групп (фермеры, промысловики), а пессимистично - старших возрастных групп. Наиболее инициативны в деле возрождения экологических традиций не руководители различного уровня, а определенные группы "рядовых" жителей. При этом инициативы "снизу" достаточно слабы. Наконец, подавляющая часть опрошенных полагает, что следует сочетать возрождение экологических традиций с индустриальным развитием региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волюшин А.Л.* Об эрозии почв и развитии традиционного природопользования на сельскохозяйственных землях Байкальского региона // Устойчивое развитие: проблемы охраняемых территорий и традиционное природопользование в Байкальском регионе. Улан-Удэ, 1999. С. 35.
2. *Гранкина В.П.* Проблемы охраны генофонда солодки в Байкальском регионе // Устойчивое развитие: проблемы охраняемых территорий и традиционное природопользование в Байкальском регионе. Улан-Удэ, 1999. С. 151.
3. *Очирова О.А.* Проблемы социально-экологического развития в зеркале социологии. Улан-Удэ, 2000. С. 125-127.